

ИНТЕРМЕЦЦО

Немия была не готова.

Был ранний весенний вечер, на низинных пастбищах и на горных лугах высыхали последние капли дождя, а холмы спокойно поднимались из клубов тумана, мерцая в лучах заходящего солнца. Страну в этот час укутывало мирное сияние, которое скрывало все зазубрины, углы и края.

Никто не мог заметить, что происходило в это мгновение очень далеко и одновременно невероятно близко. Даже священники, которые молились в храмах, не почувствовали зловещего предзнаменования. Ветра молчали, а горы никогда не признаются, были они слепы, невнимательны или равнодушны.

Повелитель дэмов пал, а с ним рухнули и границы, окружавшие безымянное Царство теней.

И тогда дэмы без предупреждения ринулись в разрывы. Они обрушивались с ясного неба. Толпы прорывались через леса. Немийцам казалось, что чудовища падают из облаков, будто дождь, поднимаются из водоемов, с языками пламени вырываются из очага.

Они спускались с гор, уничтожая все на пути в долину, и убивали, будто ими двигала лишь жажда крови. Вряд ли кто-то из немийцев понял, чего хотели чудовища, но наверняка понял, что ими двигала ненависть. Ненависть к тем, кто однажды их проклял. Сами дэмы не осознавали, что большинство тех людей были давно мертвы и похоронены тысячу лет назад. Однако даже если бы они это понимали,

им было бы все равно. Они желали мести, их жажда была древней, вечной, и в своем ослеплении они истребляли всех, кто попадался на пути.

Немийская гвардия была быстрой и бесстрашной, но дэмы давно разделились, спрятались, рассеялись меж скал и в глубине лесов, забрались высоко в горы и проникли в каждое ущелье. Их было слишком много, чтобы перебить всех — какими бы острыми ни были клинки немийцев, какими бы быстрыми ни были их лошади, какими бы решительными ни были их сердца. Все больше дэмов переходило открытые границы. Все больше крови немийцев стекало по скалам и впитывалось в почву. Все больше душ с ветрами отправлялось в руки Лиаскай.

Немия была обречена.

Никто не мог заметить, что происходило в это мгновение очень далеко и одновременно невероятно близко. Даже священники, которые молились в храмах, не почувствовали доброго предзнаменования. Ветра молчали, а горы никогда не признаются, были они слепы, невнимательны или равнодушны.

Волшебница, которая знала все до одного заклинания, воззвала к своему наследию и соткала проклятье из тьмы, власти и магии.

Она короновала нового Повелителя дэмов.

И он закрыл границы мира теней, чтобы больше ни один дэм не мог вторгнуться в страну людей — ни один и никогда.

Как и все правдивые истории, эту тоже никто не рассказывает до конца. Ведь кто же поверит в истину, если ей противостоит ложь? Раны не заживают, пленники погибают, а каждая утрата порождает новую ненависть.

Земля, жители которой называют горы своей семьей, а ветра — своими друзьями, никогда не должна была узнать, что не правитель и не гвардия уберегли ее от падения.

Немия не знала, кого она наказывала за свои страдания.

ГЛАВА 1

ЛЭЙРА

Как тяжело и угрожающе нависал надо мной замок предков. Еще несколько лет назад он был моим домом. Потом меня лишили имени и изгнали. Сейчас, наконец, передо мной открылся путь назад. И когда я поверила, что все теперь будет хорошо, ведь я стала старше и превзошла себя, стены замка превратились во вместилище моего худшего кошмара.

Должна ли я была догадаться об этом раньше? Почему ничто не предупредило меня о том, что все будет так? Или предостережение все же было? В шепоте ветра или в рокоте гор, просто я не захотела его услышать?

Я заставила себя ступить на разводной мост, который вел в замок эс-Ретнея через пропасть глубиной в восемьсот метров. В течение многих лет его ни разу не поднимали, и там образовался такой толстый слой песка городских улиц, что, когда на него кто-то ступал, раздавался лишь глухой стук. Теперь колеса повозок катились прямо по деревянным балкам, и, опустив взгляд на ноги, я разглядела сквозь щели между досками черноту бездонной пропасти. Теперь замок каждую ночь отбивался от оставшихся дэмов, бродивших по округе, и потом гвардейцы поднимали мост. С одной стороны замок оберегала пропасть, с другой — сотня вооруженных стражей на уступах крепости. Они стояли там, где стены соединялись с горой, и едва можно было понять, где кончается замок эс-Ретнея и начинается могучая западная гора Волариан.

В низинной деревне нас с мамой защищали только два наших последних бдительных гуся. Остальных дэмы разорвали на части, бросив на месте большую часть тушек.

Однако когда я подходила к замку, желудок у меня скрутило не потому, что я завидовала защите обитателей замка.

Дело было в страхе, который терзал меня на обратном пути в деревню каждый проклятый раз, когда мне приходилось покинуть замок — нельзя было надолго оставлять маму в одиночестве. Если бы я не обманывала себя, то не смогла бы отойти от нее ни на шаг, но я всегда придумывала какой-нибудь повод. Иногда даже чересчур убедительный. Например, убеждала, что смогу повлиять на изменения.

Дело было в страхе, который я оставляла за спиной, покидая замок эс-Ретнея.

Дело было в страхе, который поджидал меня всякий раз, когда я возвращалась. Он настигал меня, как только я проходила мимо первых домов, стен и башен, и за ними открывался вид на фасад дворца со всеми его роскошными витражными окнами с изображениями гор и могучих ветров, словно кто-то здесь мог забыть о них хоть на секунду.

Отец пожертвовал одним из окон, расположенным слева и наискосок над главным входом, высотой примерно шесть метров, чтобы в очередной раз продемонстрировать свою силу.

Или свою наивность.

Или мою невыносимую вину.

Воистину я превзошла себя. Раньше я подвергала опасности своих друзей. Сегодня я уничтожаю того, кого люблю.

Несколько недель назад на окне было изображение мюра, северного ветра, который вместе с воинами немийской гвардии сражался против огромного кровожадного саблерога.

Теперь воины, саблерог и мюр исчезли. Разноцветное стекло выбили, а под окном к стене приделали своего рода карниз, словно вырастающий из нижней части проема, достаточно широкий, чтобы на него можно было встать.

В тот день, когда я увидела это в первый раз, моя надежда была еще жива. Она была отчетливой, сильной и упорной, как биение моего сердца.

— Он освободится, — сказала я Вике, Десмонду и Кадизу, веря в каждое слово. Это только цепи. Ему достаточно напрячься, и он вырвет их из стен. Он же...

Ясные и глубокие глаза подружки были полны чувства вины, когда она возразила:

— Он стоит там уже восемь дней, Лэйра. Он пытался вырваться, многократно пытался. Но у него не получается.

Мое сердце превратилось в камень. Ледяной тяжелый камень с острыми краями, о которые я порезалась, осторожно попытавшись до него дотронуться.

День за днем прошло больше трех недель, а он стоял все там же. Руки над головой в железных кандалах, тело прикрыто лишь разорванными штанами и лохмотьями изношенного мовлэ. Они приковали его на карнизе, обрекая на смерть, но не знали, что Повелитель дэмов может страдать от боли и ран, но не умрет ни от голода, ни от жажды, ни от унижения.

Он давно больше не пытался освободиться.

Но теперь уже несколько дней мне казалось, будто сердце осторожно пробует биться. Потому что у нас был план.

Я увернулась от торговца, который так тяжело нагрузил осла, что бедное животное шаталось от каждого порыва ветра. Из-за этого я заметила Вику, только когда она уже подошла ко мне.

— Лэйра! Лэйра, я здесь! — она поспешила ко мне, приветственно обняла и взяла под руку. Во время нашего путешествия в Альсьяна-Дэра ее лицо покрылось сетью шрамов, и она стала носить свои пшеничные кудри, которые раньше практично завязывала узлом на макушке, только распущенными, чтобы они как можно больше закрывали лицо. Конечно, ее все равно узнавали, но это была забота двух охранников, которые по велению родителей Вики ходили за ней по пятам. По крайней мере, они так и не узнали, что она тогда путешествовала со мной. Иначе нам никогда больше не разрешили бы встретиться. В общем, ее родители смирились. В конце концов, больше не было тайной, что я скоро стану супругой Десмонда эс-Йафанна, а значит, я снова оказалась подходящей подружкой для их дочери. Но они не знали ни о том, что мы пережили вместе, ни о том, что мы обсуждали, встречаясь с Десмондом.

Сегодня Вика нервничала больше, чем обычно. Она увлекла меня на боковую улочку, где в дверных проемах топтались дешевые девушки, недоверчиво поглядывая на нас. Женщины никогда не заходили сюда, а если и заходили, это не сулило ничего хорошего.

— Что-то случилось? — шепотом спросила я Вику. Я пришла вовремя. Обычно мы заходили в таверну только ранним вечером, потому что тогда мы не так бросались в глаза среди множества посетителей, которые приходили и уходили. Но, поскольку Йеро больше не было с нами, я хотела к вечеру вернуться в деревню, чтобы защищать ее.

— Нет, — ответила Вика, но ответ прозвучал слишком быстро. — Я просто заметила здесь знакомую и не хотела, чтобы она задержала нас со своими бестолковыми сплетнями. — По старой привычке она откинула прядь волос назад и тут же вернула ее на место. — Как твоя мама? И остальные в деревне?

Она хотела мне только добра, и я заставила себя улыбнуться. Я никогда не давала ей понять, как тревожно мне было каждый раз покидать деревню. Йеро надолго задержался с нами, помогая расправиться с дэмами, которые бродили по лесу вокруг. С тех пор, как он отправился на поиски своей семьи, я осталась одной из немногих, кто еще мог защитить деревню. Дэмы отняли немало жизней, и выжившие — среди которых, слава горам, была и моя мать — страдали оттого, что большая часть скота погибла, а посевы были затоптаны. Помощь со стороны князя была в лучшем случае ограниченной, и даже так ее называли помощью лишь подлизы и угодники.

— Мама храбрая, — уклончиво ответила я. — Ей всегда становится лучше, когда приходит тепло.

Вика сжала мою руку:

— К осени у нее уже будет комната с камином в замке.

Но ее слова снова принесли мне скорее страх, чем утешение. В этом замке, где Аларик страдает день и ночь, мне придется жить?

— К тому времени мы его уже освободим, — прошептала Вика. Наверное, она ощутила, что у меня на спине выступил пот. — У Кадиза и Десмонда есть хорошие новости.

— А если у меня их нет?

Я должна была вернуть себе полную власть над колдовством. Однако с той ночи, когда Аларик с помощью магии Альсьяна-Дэра и моей собственной сделал себя Повелителем дэмов, магия будто испуганно пряталась от меня. Я еще ощущала ее колебания, обоняла ее, чувствовала ее на вкус. Но если я хотела ее использовать — воздействовать на нее, — меня тут же охватывала беспомощность, словно ребенка, от которого требуют читать и писать, хотя он не выучил ни единой буквы.

Я пыталась схватиться за магию, пыталась охватить ее своим сознанием, но она вырывалась на свободу или следовала моей воле лишь вынужденно, чтобы как можно быстрее высвободиться снова.

Сначала я была ей за это почти благодарна. Быть может, думала я, моя задача исполнена. Немия спасена, а Аларик пусть и потерян для меня, но, по крайней мере, обречен на ту участь, которую выбрал сам. Он решил стать Повелителем дэмов, чтобы защитить нас всех.

Возможно, я должна это принять и однажды понять, что наше расставание было predetermined. Тогда зачем же мне магия?

Я сомневалась, что мои чувства имеют для судьбы какое-то значение. Чего стоит пара разбитых сердец по сравнению с благополучием целого народа?

Но тогда, когда мой рассудок наконец стал близок к тому, чтобы принять этот порядок как данность, когда сдержанная немийка во мне наконец взяла верх и я почти поверила, что это проклятое разрывающееся от боли сердце сможет продержаться еще немного, в низинную деревню пришел посланник.

Он был одет в цвета рода эс-Ретнея, и я ощутила болезненный укол оттого, что он даже не выделил меня взглядом среди других жителей деревни — и никогда не стал бы этого делать. Отец так и не узнал, что я подлинная наследница рода. Кроме меня и лжеца, личность которого была мне неизвестна, только один человек мог разгласить истину: Аларик Колэ. Но он теперь правил страной безумия, ужаса и желаний.

Нетерпеливо скручивая в узел пряди волос, я посмотрела на посланника, который на своей запыленной лошади выехал на середину рыночной площади:

— Чего вы еще ждете, сир?

Посланник посмотрел на меня сверху вниз. Как и все остальные, я пришла на рыночную площадь с оружием. После ночи, когда дэмы пришли в наш мир, здесь больше не устраивали ни торговли, ни праздников. Мы осмеливались выскользнуть из наших хижин только по самым неотложным делам, по возможности стараясь оставаться под той иллюзорной защитой, которую нам давали деревянные стены и двери. В последние недели дэмов явно стало меньше, но никто не хотел, чтобы оставшиеся застали врасплох. Мы даже спали, держа в руке вилы, косы и ножи, опасаясь, что дэмы нападут во сне.

Аларик сдержал обещание, и границы закрылись. Но сколько монстров осталось к тому моменту на нашей стороне, видимо, так и останется тайной. Я лишь знала, что их слишком много.

Посланник громко откашлялся:

— Я приказал, чтобы пришли все жители деревни. Где ваши люди?

— Вы смеетесь над нами?

В мою задачу не входило говорить за всю деревню. Старосты у нас больше не было. Лирасс, аптекарша и мать Теобо, погибла в сражении с дэмами, и до сих пор мы так и не выбрали новый голос деревни, потому что у нас было достаточно других дел. Мы даже не смогли должным образом похоронить всех погибших.

Мои руки невольно сжались в кулаки. В этом ужасном прорыве дэмов была и моя вина, но эта мысль должна оставаться погребенной глубоко внутри. Если она во всей своей жестокой неприглядности поднимется на поверхность, я больше не смогу помочь деревне. А я еще была ей нужна. Я была одной из немногих, кто не поддавался панике, когда твари подкрадывались, скрываясь в лесном кустарнике. Я была одной из тех, кто не пугался сражения с ними. Я придавала храбрости другим, показывая, что дэмы состоят из

плоти и крови. Что мы можем их убить, когда они нападут на нас.

— Те, кто присутствует здесь, о голос замка эс-Ретнея, — это все мужчины и женщины низинной деревни, — выкрикнула я, потому что, за исключением двух или трех взрослых, отсутствовали лишь пара детей, больные и те, кто был слишком стар, чтобы прийти на рынок. И, разумеется, Йеро. Но о том, что паладин без пятерни находился в деревне, в замке никто не знал. Он охранял дом моей матери, пока я была здесь, и старался не привлекать внимания. В конце концов, его ведь изгнали много лет назад. — Скажите, что должны, и уезжайте прочь. Время, когда мы просили эс-Ретнея об оружии, прошло!

Люди зашептались. Несколько женщин возмутили мои бесцеремонные слова, потому что они ожидали поддержку от замка. Они не знали, что нам не дадут помощи, даже если мы будем умолять на коленях.

Другие были согласны со мной. Каждый из присутствующих кого-то потерял — отца или мать, мужа или жену, сына или дочь, — и их скорбь повисла над площадью как горький дым. Они больше не скрывали разочарования.

— Сейчас нам больше не нужна помощь князя! — рявкнул кузнец, перекрывая гул голосов остальных. — Валите к Повелителю дэмов, о голос эс-Ретнея! И заберите с собой своих разодетых чистюль! Мы не собираемся кормить ни вас, ни вашу клячу!

— У нас самих больше ничего нет! — глухо произнесла пожилая женщина.

Крики зазвучали со всех сторон, и лошадь посланника отступила на пару шагов, когда несколько мужчин угрожающе подошли ближе.

Мне стало нехорошо. Если люди сорвутся и нападут на посланника, снова прольется кровь. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. Деревня и так достаточно страдала.

— Дайте же ему высказаться! — выкрикнула я, вскочив на большой камень, чтобы меня было лучше видно. — Я хочу знать, что хочет сообщить нам князь из своей безопасной крепости, стоящей высоко на горе!